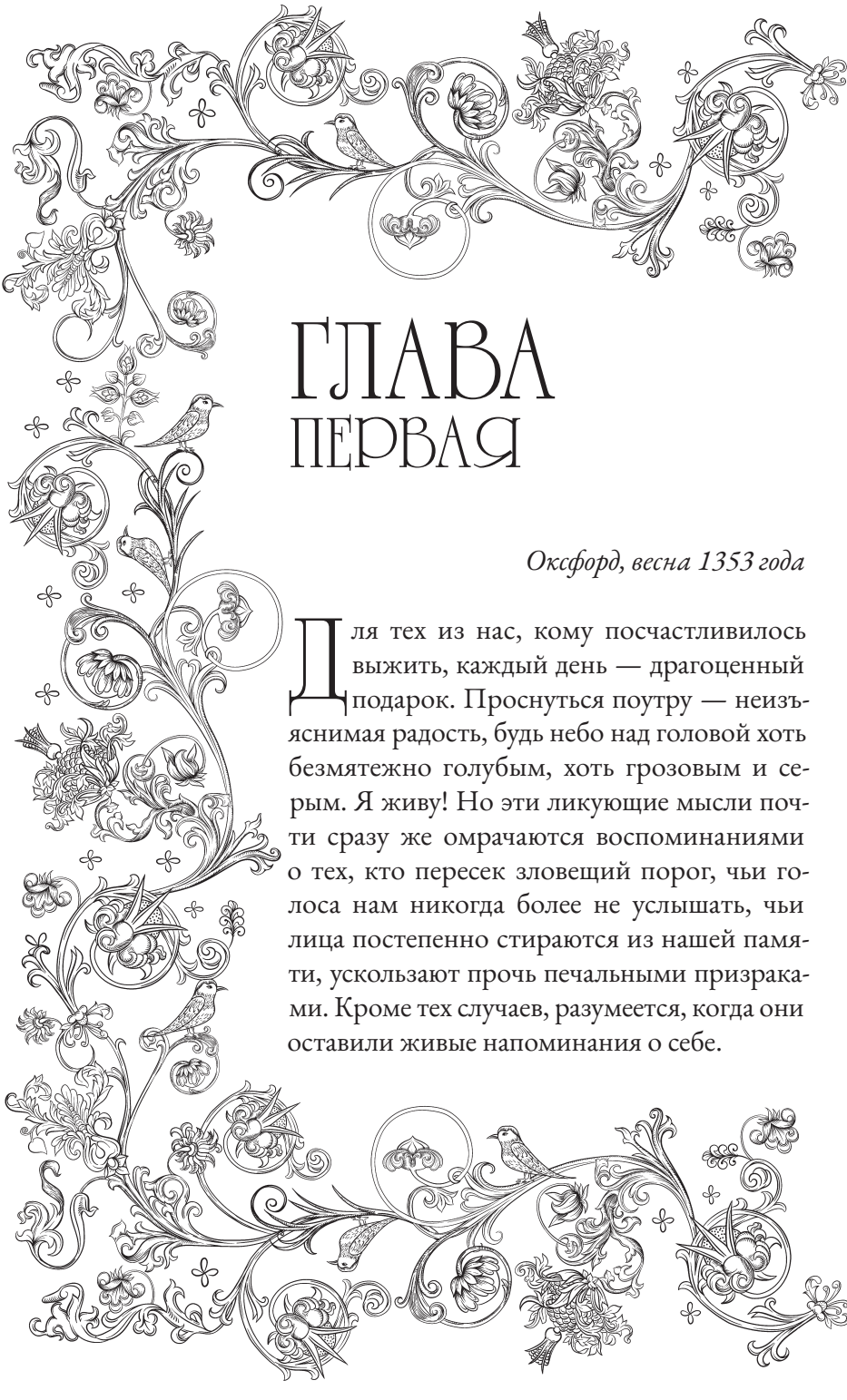

A highly detailed, symmetrical black and white illustration. It features a central vertical axis with elaborate floral motifs, including roses, tulips, and various leaves. Interspersed among the flowers are several birds, possibly finches or sparrows, perched on thin, curving branches. The design is reminiscent of 19th-century decorative arts or book ornamentation. The top and bottom of the page are framed by these intricate patterns, which also extend down the left and right margins.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Оксфорд, весна 1353 года

Для тех из нас, кому посчастливилось выжить, каждый день — драгоценный подарок. Проснуться поутру — неизъяснимая радость, будь небо над головой хоть безмятежно голубым, хоть грозовым и серым. Я живу! Но эти ликующие мысли почти сразу же омрачаются воспоминаниями о тех, кто пересек зловещий порог, чьи голоса нам никогда более не услышать, чьи лица постепенно стираются из нашей памяти, ускользают прочь печальными призраками. Кроме тех случаев, разумеется, когда они оставили живые напоминания о себе.

— Папа! — Алисон приземлилась мне на живот, разом выбив из меня весь воздух, да так и продолжила скакать, видимо, на тот случай, если в легких все же что-то осталось. — Можно мне щеночка? У Джонатана Бейкера их целых шесть, и он говорит, если не пристроит их по домам, его отец всех утопит в Черуэлле. Папочка, ты ведь не дашь утопить шесть маленьких щенят, правда, правда?

В ее тоне дипломатия сочеталась с заискиванием. И в самом деле, после морового поветрия в Оксфорде осталось очень мало собак: городские власти, боясь распространения смертоносной заразы, перебили всех, до кого смогли добраться.

— Совершенно уверен, — сказал я, спихивая с себя Алисон и стараясь сесть, — что Джонатану и Джону Бейкерам без труда удастся найти дом всем щенкам.

Какой же огромной казалась кровать теперь, когда я спал в ней один.

Алисон села, обнимая колени и умоляюще глядя на меня, но по-прежнему опиралась мне на живот. Подчас мне почти невыносимо смотреть на нее — до того похожа.

— А что говорит твоя тетя? — трусливо поинтересовался я.

— Велела у тебя спросить.

Ну разумеется. Все неприятные решения перекладываются на меня. Все остальное решает моя сестра.

— И вообще, — сказал я, — на дворе едва рассвело. Неужели Джонатан уже успел у нас побывать?

Она сжала руки и обратила на меня горестный взгляд. В глазах начали собираться слезы.

— Ему непременно надо знать ответ уже сегодня, а не то Джон Бейкер вечером всех утопит.

— Беги-ка, давай. Мне надо одеться, — отрывисто сказал я. — Тогда подумаю.

Я уже знал, каким будет решение. Алисон, судя по всему, тоже.

Она помчалась прочь, выкликая на бегу:

— Рейф, Рейф, папа сказал, что подумает.

Я неловко расправил шоссы¹ и подвязал шнурки. Что мы будем делать с собакой, скажите на милость? Нет, даже не с собакой, со щенком! Он будет путаться под ногами. Лить повсюду лужи, к вящей ярости Маргарет. Почти наверняка изжует весь мой запас пергамента в клочья, а уж если доберется до драгоценных книг... Нет, решительно невозможно!

Когда я вошел на кухню, Маргарет хватило одного взгляда, чтобы неодобрительно поджать губы и со стуком поставить кружку некрепкого эля рядом с тарелкой, на которой лежал еще теплый, только из печи, хлеб. Моя сестра нипочем не станет покупать хлеб у пекаря — уверяет, будто туда подмешивают мел и нарубленную солому, а потому всегда печет сама, пусть ей и приходится каждый вечер перед сном ставить тесто, а потом подниматься до рассвета, чтобы испечь хлеб.

¹ Шоссы — деталь средневековой (преимущественно мужской) одежды — плотные облегающие чулки до середины бедра, натягивавшиеся отдельно на каждую ногу и прикреплявшиеся тесемками к поясу, были распространены в Европе XIII–XV веков. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

— Почему ты так на меня смотришь? — спросил я, подтянув себе табурет и усевшись за стол. Я отпил большой глоток эля и попытался напустить на себя безразличие, но быстро сдался пред лицом ее многозначительного молчания. — Что я такого сделал?

— Дело не в том, что ты уже сделал, а в том, что только собираешься.

Она отрезала тончайший кусочек сыра и положила мне на тарелку рядом с хлебом.

— Только щенка мне не хватало, чтобы целый день вертелся под ногами и устраивал кавардак. В лавку его пускать нельзя, а значит, это будет моя обуза.

— Я пока и сказал-то лишь, что подумаю.

— Ха!

Демонстративно громко топая, она удалилась в кладовую. Даже ее шаги говорили сами за себя. Я приступил к завтраку. Хлеб, как всегда, был воздушным и пряным, но стоило Маргарет выйти из кухни, я торопливо отрезал себе еще сыра.

— Я все видела.

Я засмеялся. Маргарет не умела долго дуться.

— Ты же не пожалеешь мне кусочка сыра, Мэг. В лавке предстоит долгий день, а вечером мне еще идти в усадьбу Ярдли за гусями перьями. Надо же человеку как-то поддерживать силы.

Она придвинула к столу второй табурет и уселась напротив меня.

— Николас, я знаю, как трудно тебе хоть в чем-то отказать Алисон. Она с каждым днем все сильнее похожа на Элизабет. Но она не Элизабет. Думаешь, щенок — то, что ей надо?

— У нее доброе сердце, она расстраивается, что Джон Бейкер утопит щенят.

Маргарет фыркнула.

— Ну это вряд ли. В Оксфорде многие только рады будут завести собаку. После чумы вора́м раздо́лье, мало в каком доме встретится сторожевой пес.

— А нам не нужна собака, чтобы дом охраняла?

Я думал, что привел убедительный довод, но Маргарет лишь отмахнулась.

— Ага, а пока она не вырастет, мне день-деньской лужи вытирать.

Я глянул на вытесанные из золотистого местного камня плиты, из каких у нас сложены полы первого этажа и дома, и лавки. Мой тесть, построивший оба здания, питал здоровый страх перед пожаром, учитывая, что за товары составляли большую долю его торговли. У него даже кровля была крыта плиткой, как университетские колледжи, а не соломой, как большинство городских домов. Он мне рассказывал, что заключил сделку с Мертон-колледжем: выменял превосходный экземпляр Аристотелевой «Этики» на необходимое количество плитки.

Маргарет ежедневно подметала и выскребала полы, так что я вполне понимал ее опасения.

— Не помню, чтобы в нашем детстве приучение собаки к дому занимало так уж много времени.

— В деревне же они почти все время проводят на улице. А эта будет домашней.

Я потянулся через стол и взял обе руки Маргарет в свои.

— Мэг, я думаю, ей нужен кто-то, кого она сможет любить.

Она посмотрела вниз, на наши сцепленные руки, а потом обратила лицо ко мне. В глазах у нее стояли непролитые слезы.

— Что ж, сдается мне, всем нам надо кого-то любить. И мы уже слишком многое потеряли. Хорошо.

Я тихонько пожал ее руки, а потом нагнулся поцеловать ее в макушку, как обычно скрытую под туго повязанным безупречно белым покрывалом.

— Я ей скажу.

Я осушил кружку и вышел с остатками хлеба и сыра в сад, откуда доносились детские голоса. Алисон сидела верхом на низкой ветке одной из яблонь, а Рейф приплясывал у подножия дерева.

— Помоги мне забраться, Али. Я не дотягиваюсь!

На миг меня внезапно, как вспышка, охватило воспоминание — как я сам в детстве бегу за Маргарет с криком «Подожди меня!». Но Маргарет была пятью годами старше, а Алисон с Рейфом разделяют всего два года. Совсем другое дело. К тому же девочки взрослеют гораздо быстрее мальчиков. Я почти не помню времени, когда Маргарет не казалась бы мне одной из взрослых. Когда ее в четырнадцать лет выдали замуж, мне было девять, всего на три года больше, чем сейчас Алисон. Мы с сестрой снова начали жить под одной крышей лишь четыре года назад, после того как чума унесла мою Элизабет и мужа Маргарет, грубияна-трактирщика с совершенно неподходящим ему именем Элайас Мейкпис.

Я знал, что Маргарет, двенадцать лет терпевшая пьянство и побои мужа, в глубине души восприняла его смерть как избавление, однако чума забрала и их двоих сыновей. Моя сестра всегда была ласкова и весела с моими детьми, но подчас я замечал

в ее обращенном на них взоре тоскливое, чуть потерянное выражение. Я догадывался: она пытается представить, какой была бы наша жизнь, если бы ее мальчики были с нами теперь, через четыре года.

В нас, выживших, до сих пор сидит страх позволить себе снова кого-то любить — так хрупка жизнь человеческая, так ужасна внезапная утрата. Мы все ходим по краю обрыва, стараясь не смотреть в пропасть, на дне которой чернеют острые скалы.

— Ну что, Алисон, не сходить ли нам к Джону Бейкеру посмотреть на щенков?

Она с восторженным визгом прыгнула с дерева. Раздался звук рвущейся ткани. Маргарет мне это точно еще припомнит. Водопад белоснежных лепестков осыпал Алисон, точно неурочным снегом. Я не стал стряхивать их с ее кудрей.

— И я! — взмолился Рейф, дергая меня за край котты¹.

— Конечно, — сказал я, — ты тоже можешь пойти. Щенка надо выбирать так, чтобы пришелся по нраву всему семейству.

Мы снова прошли через кухню, где Маргарет упорно держалась к нам спиной, а оттуда по коридору, в который открываются двери кладовой Маргарет и чулана, где я храню запасы пергамента, чернил и перьев. Всю фасадную часть первого этажа занимает лавка. Я не успел еще открыть ставни, так что там было сумрачно, но поскольку дом у нас выходит на южную сторону, а солнце уже светило вовсю, в щели ставен пробивались узкие лучики света, и в них плясали крохотные пылинки.

¹ Котта — европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами, надевавшаяся поверх рубахи.

Я чуть не споткнулся о маленького мальчика, съездившегося на ступенях за дверью.

— Джонатан, что ты тут делаешь?

Он поднялся и потер рукой лицо, размазывая по нему грязь. Одежда на нем была рваной, хотя отец его не бедствовал. Джон Бейкер — вдовец, как и я, но у него нет сестры, которая взяла бы на себя хозяйство в его доме и уход за ребенком.

— Я ждал, чтобы узнать, можно ли Алисон взять щенка, мастер. А то папа собирается их всех утопить.

— Вздор! — возразил я решительно. — Сколько их у вас?

— Шесть.

— Ничуть не сомневаюсь, вы найдете, куда всех пристроить. Я сегодня пойду в усадьбу Ярдли, поспрашиваю там. А предложить на мельницах ты не пробовал? Ваша Бусинка — прекрасный крысолов. Если щенки пойдут в нее, любой мельник возьмет с радостью, чтобы стеречь зерно от крыс.

Лицо мальчугана просветлело.

— Сбегаю тогда к мельнице Трилл и к черным монахамⁱ.

Он повернулся, собираясь бежать по Хай-стрит к перекрестку Карфакс.

— Есть еще мельница Холивелл, — крикнул я ему вслед.

— Да, но я знаю мельника с Трилл, — бросил он через плечо. Босые пятки застучали по подсохшей грязи улицы.

Алисон сунула руку в мою ладонь.

— Как ты хорошо придумал, папа.

ⁱ Прозвище монахов-доминиканцев, ордена монахов-проповедников, основанного святым Домиником.

Я улыбнулся ей.

— Крысы сами по себе сделались настоящей чумой, мельники теряют очень много зерна.

Почти всех кошек и собак в Оксфорде перебили из наилучших намерений, но в результате в городе расплодились огромные стаи крыс — ведь теперь их стало некому истреблять. Лишь немногие хозяева, как Джон Бейкер, сумели спрятать своих животных и уберечь от общей судьбы. Он утверждал, что сделал это лишь с целью защитить от крыс муку у себя в пекарне, однако под грубоватой манерой скрывался человек добрый и куда более мягкосердечный, чем он хотел бы казаться, пусть даже Маргарет и не доверяла чистоте муки в его хлебах. На свой лад он любил Бусинку, так что мне не верилось, что у него поднимется рука утопить щенков.

Пекарня располагалась на Хай-стрит, почти напротив нашей лавки, но чуть дальше на запад, в трех дверях от студенческого дома Такли-инн, в котором я обосновался, впервые появившись в Оксфорде четырнадцатилетним школяром. И он, и пекарня лежали как раз за границами нашего прихода Святого Петра на Востоке (то есть близ восточной стены города), попадая уже в соседний приход Святой Девы Марии, университетской церкви, превосходное место для булочной. Когда мы пришли, Джон уже опустил выходящий на улицу прилавок и выложил туда хлеба и булки. Покупатели стекаются за хлебом с самого утра, так что по Хай-стрит струился дурманный запах свежей выпечки. Перед пекарней собралась небольшая толпа, так что мы дождались, пока Джон обслужит всех покупателей. Он поднял голову и увидел нас.

— Доброго утра, Николас. Неужто за хлебом? — Он иронично приподнял бровь, наклонясь над прилавком.

— Нет. Наши чадищи, твое и мое, утверждают, будто ты ищешь хозяев для щенков Бусинки.

— Ищу. От них необходимо избавиться. Не могу позволить себе держать в доме семь собак. Не найдется куда отдать, сегодня же всех ждет река.

— Ты ведь это не всерьез.

— Еще как всерьез. На те крохи, что колледжи платят за хлеб, я и нас-то с сыном с трудом содержу.

Это был давний предмет его жалоб, и мне не хотелось слушать весь перечень его невзгод.

— Так где там у вас щенки? Может, и возьму одного.

— А где мой сын? Он вам покажет. Мне надо за лавкой следить.

Алисон проскользнула в открытую дверь булочной.

— Джонатан пошел к мельникам спросить, не возьмет ли кто щенка.

— Отличная мысль.

— Это мой папа придумал.

Джон широко улыбнулся мне.

— Тогда заходите. Они за домом, в сарае. Дети знают дорогу. Хотите взять одного себе — забирайте.

— Они уже отлучены от матери? — спросил я, заходя в теплый дрожжевой дух Джоновой лавки.

— Почти. Уже ели хлеб с похлебкой. Можно забирать от матери.

